

курорт. Все время лежали, было не до разговоров. Какой день, сколько времени прошло — аллах его знает, а только от жары да от вонищи — хоть в петлю головой.

Спасение пришло только на восьмые сутки.

Поскольку дома приняли, никто не собирался после праздника убирать кучи мусора — подождут до весны, да к тому же и смерзлись они. Только на восьмой день потребовался бульдозер. Тракторист разогрел технику, натаскал горячей воды, завел трактор и уехал.

Узники каземата не верили в случившееся.

Говорят, четыре руки с трудом приподняли и отодвинули крышку люка в сторону, и потом еще долго никто не показывался оттуда.

Первым вылез крупный мужчина, и не вылез, а кто-то его просто вытолкнул из люка, как мешок с картошкой. Вторым наверху оказался маленький, лопухий: те же мощные руки вытолкнули и его, а уж следом вылез молодой, здоровенный. Он не бросил товарищей по несчастью — своей лапой, словно сачком из аквариума, выудил Писаря и Гнилого. Дружно хватили пересохшими глотками морозный воздух. Потом вдруг, словно по команде, дружно стали отползать прочь от проклятой дыры. Три бабки-пенсионерки, из-за отсутствия пока что скамеек стоявшие у подъезда, с удивлением смотрели на бесплатное кино.

Боцман, оклемавшись, хотел быстро встать, да не тут-то было: кружилась голова, ноги не держали — чуть не упал. Пришлось опять встать на четыре мосла. Оттолкнулся руками, с трудом нашел равновесие и распрямился. Сделал шаг, другой — и пошел, сначала тихо, потом быстрее, быстрее... Страшен был его вид: заросшее лицо, провалившиеся щеки, потухшие глаза смотрели куда-то в одну, только ему известную точку. В голове у него стучали молоточки: «Домой! Толь-

ко домой! Солнышко ты мое ясное! Брошу пить... ей-богу, брошу...» — И быстрее, быстрее шевелил ногами — чуть не бежал.

Они все еще не верили, заросшие, грязные, пропахшие целым букетом мочи, вони и пота и еще чем-то могильным, что волей случая спасены.

Володька-молодой поднял Чачу чуть не пинками: «Пошли на автовокзал. Иди, говорю! — И ехидно добавил: — «Праздник встретим!..» У, гад!» — Но дружка не бросил. Сгреб за левую руку и тащил за собой. Спина у Чачи не желала разгибаться, ноги не хотели идти. Отвесив тощий зад, он старательно шевелил ногами, но отставал от своего напарника. Правая рука цеплялась за землю, за бордюр, за бетонную дорожку. Без шапки, с торчащими круглыми ушами и заросший, он напоминал приодетую гориллу.

Одна из бабок спросила:

— Че это, девоньки, деется-то, а?

Самая бойкая фыркнула:

— Не видите, что ли, обезьяну в канализации поймали!

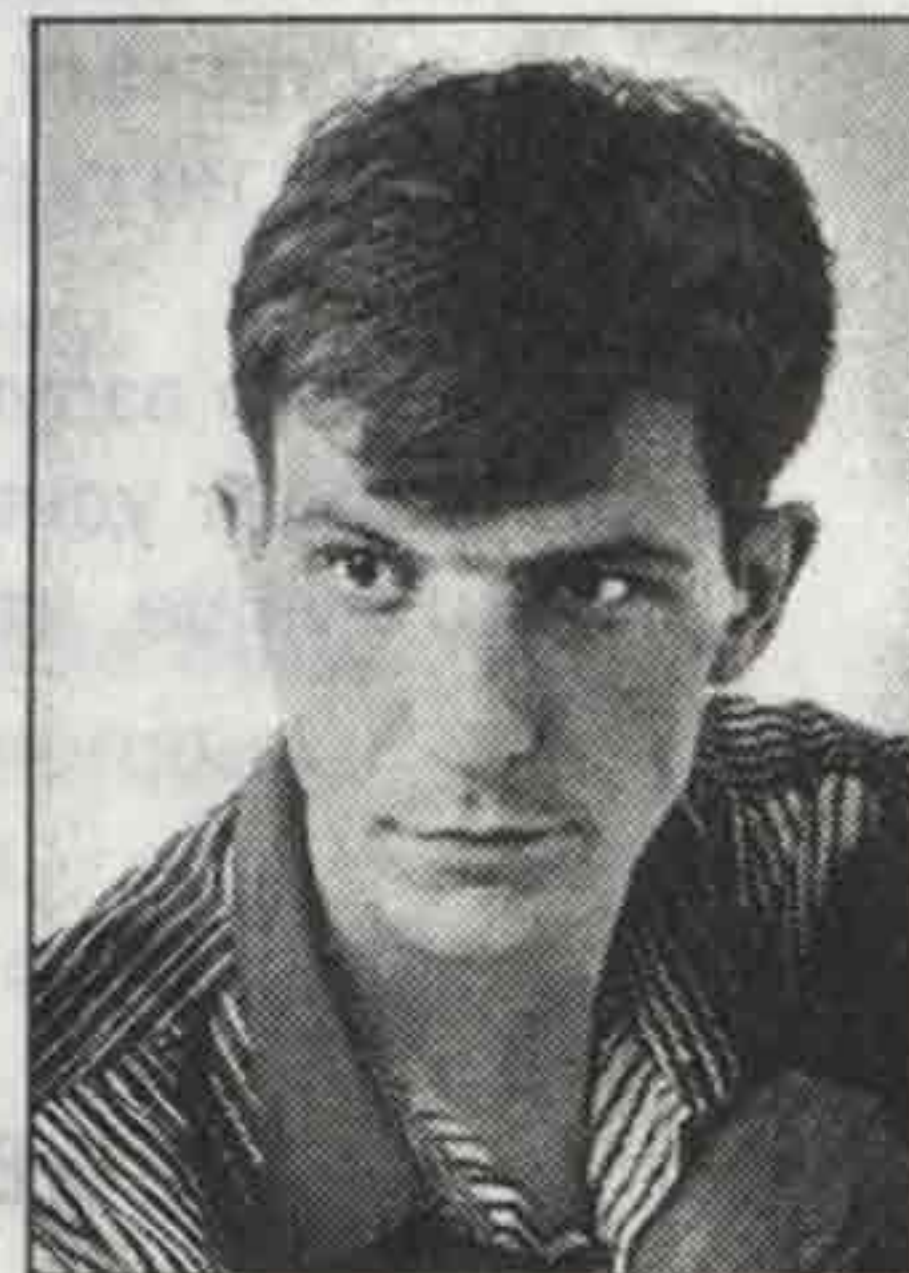
— Так а кто они такие? Бичи, что ли? — не унималась бабуля.

— Надо понимать, работники цирка. Вишь — цирк уехал, а клоуны остались.

Последние «работники цирка» сидели на снегу, пока не подмерзли окорочка, да и некуда им было спешить: никто их не ждал, никому они не были нужны. Наконец встали, помогая друг другу. Гнилой, задыхаясь, потащил Писаря. Тот старался изобразить ходьбу, да плохо удавалось: правая нога цеплялась за землю, оставляя на снегу полосы — то короткие, то длинные, словно по азбуке Морзе: точка, тире, точка, тире... «SOS» — спасите наши души!

Евгений Кольцов

Евгений Кольцов родился в 1973 году в Красноярске. Участник Всероссийского совещания молодых литераторов (город Клин, 1997 г.). Окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте имени Горького. Член Союза писателей России, автор книги стихов. Живет в Благовещенске.

ЛИ ЯНЛЕНУ

У всякого своих пристрастий в литературном деле есть спираль, по ней к вершинам и в низовья блуждает разум в поиске ответа.

Читал стихи Янлена — очень мило, но опечаток многовато в книге. Винить компьютер в этом я не буду, ведь это люди нажимают кнопки.

Но печаль, она не безутешна, тот, кто читает, может все исправить. И за наивность, искренность и чувство китайского поэта в сердце благодарить.

Как скажу я слово «Прощай», сразу грусть и печаль нахлынут. И потопят они меня, и тогда уже я остыну.

Как скажу я любое слово, сразу все другие слова вырисовывают оковы от «начала» до «наплевать».

Здесь никто обо мне не знает, здесь смотрю я на все впервые. Здесь и мудрые — лишь гадают в одухотворенном порыве.

Все теперь у меня в секрете. Эхо первых цветов в глазах. Одинокого кто встретит? И прощаться — какой страх?

Стоят цвета в отрядах радуг,
в сияньях северных и южных.

Мир летает вокруг света,
свет кружится вокруг мира.
Скорей бы уже лето,
дай звук мне, моя лира.

Смотрю — не смотрю, знаю —
не знаю, где дно грусти.
Стою и пою, что летаю.
В полет! Но куда? Бросьте...

Я выпил с горой бочку,
вино утекло в море.
Гора родила точку
на безграничном просторе.

Я плохо влияю на окружающих,
они думают, что сходят с ума,
они не верят, что это не так,
а если и так, то это вовсе не плохо.

А если не плохо, то это не я,
ну кто от меня видел хоть что-то хорошее?

Есть и такие, что верят в свои мифы,
надеясь, что я — разрушитель иллюзий.
Хотя обо мне бы и не было речи,
если б я не настряпал бредовых картин.

И если есть в моих картинах сюжет,
то что же тогда абстракционная муть?

Тех, кто еще не занес свои лица
в программу, подлежащую уничтожению,
прошу не попадаться мне на глаза.

Тех, кто вздумает крикнуть: «Не боимся тебя», —
ожидает удивительный приз.
Но лучше, чтобы я этого не слышал.

БЕССЛЕДСТВИЕ

Причин для смеха или хотя бы для улыбки может и не быть. Это точно. Я вот сам недавно сижу, что-то вроде и не грущу, в общем, как-то так, ни то ни се. Подходит ко мне такая прикольная морда и улыбается. Я, главное, смотрю в глаза - не безумны ли. Нет, оказалось — не безумны. Я сначала тоже улыбнулся, а потом думаю: с чего это и к чему это? И, естественно, спрашиваю, чему, мол, ты, морда, улыбаешься?

— Просто так, — говорит.

Тут я сразу же:

— У-у-у, просто так не интересно. Что за смех без причины?

— Нет, — говорит, — причина у меня, конечно, есть, но ты не поймешь.

— Ты что, — говорю, — за кого ты меня принимаешь, может, пойму, ты скажи, а там посмотрим.

— Сначала сидел и смотрел в окно, просто смотрел и думал про весь мир, про проблемы этого мира, про себя, про свои проблемы, а потом сопоставил одно с другим — и мне вдруг стало смешно. И теперь как вспомню это сопоставле-

Они прочтут и офигеют —
мои прекрасные стихи,
в которых розы зеленеют
и млеет котелок ухи.

Сегодня мы сидим на склоне
оврага, полного воды.
Не воры мы и не в законе,
мы не рабы, рабы немы.

Егорий говорит, что видит
сквозь толщи вод косяк плотвы.
А я взираю, как Овидий,
с не нашей в нашу эру тьмы.

Луч предзакатного светила
играет с предночной тенью.
Чтоб ты, родная, не грустила,
тебе пишу стихотворенье.

Ты будешь очень знаменита
причастьем к обществу безгрешных.
И сможешь с именем пиита
пройти по морю безутешных.

А мы закурим папиросу,
Начнем смотреть опять на звезды,
и к звездам улетим без спросу,
вернемся утром к паровозу.

Он нас доставит в вечный город,
я брошу в стол листки бумаги
и буду точно так же молод,
как Дон Хуан в известной саге.

2002

ние — улыбаюсь. Понял? — спрашивает меня эта морда и улыбается.

— Понять-то я понял, но что здесь смешного? — спрашиваю.

— Да-а, — сказала морда и расхохоталась.

Я сначала обиделся, мол, явно меня за дурака держит, но очень уж заразительным был смех — и я тоже как давай хохотать. Идем мы с ним, с мордой с этой, и смеемся, скажет он какую-нибудь глупость — и мы смеемся: я-то знаю, что я не дурак, но смешно, и не знаю почему, но смешно. А потом он говорит:

— Ну ладно, мне туда, будь здоров, — и свернул на второстепенную улицу.

— Тебя как звать-то? — спросил я его.

А он говорит:

— А меня не надо звать, я сам. Прихожу, если надо.

Это только сейчас я думаю, что это, может быть, был просто глюк, бывают же у людей галлюцинации. Но морда такая прикольная, и улыбается, гад, так смешно, и смеется заразительно. Я теперь как вспомню — улыбнусь, а спроси почему, тоже, наверное, скажу — не поймешь.